Еще и энциклопедия

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Попов И. Страсти по Ремизову. Завитушки из жития Алексея Ремизова. — М.: Наталья Попова; Кстати, 2017. — 464 с.: ил. — ISBN 978-5-88113-034-3.

Объясняя любопытствующим смысл названия — «Завитушечки», — публицист, литературовед, переводчик, москвовед — Игорь Абрамович Попов по-старомосковски старомоден и скрупулезен. Москва привыкла разжевывать, Питер на все смотрит свысока.

Поэтому — эта книга еще и энциклопедия.

Очень трудно, держа эту замечательную книгу в руках, удержаться и не сопоставить автора с Ремизовым. Мне кажется, что узелки и закруты Игоря Абрамовича выйдут ничуть не хуже, чем у Алексея Михайловича.

Они оба — родня по культурному коду или генотипу интеллигентности, который стремительно исчезает из нашей жизни. Вместе с библиотеками, оригиналами первых изданий, подчеркиваниями и комментариями на полях, особо теплым, молитвенным отношением к книгам, именам писателей.

Ремизов!

Вернемся к подзаголовку. «Круг счастья» — последняя книга Ремизова. Ее венчает рисунок: две человеческие фигурки в сплетении кругов и кружочков.

Завитушечки!

Слово теплое, московское, округлое, как бублик. Собственно, а как еще? Ведь родился Ремизов в 1877 году 24 июня (по старому стилю, 6 июля по новому) в Замоскворечье, в ночь на Ивана Купалу.

«В купальскую ночь цветок папоротника, горя нетерпимым огнем, ожег мне глаза» — напишет он позднее, вышивая мифологической вязью по канве своей судьбы. Судьбы, по большому счету, обычной для обитателей купеческой слободы.

По канонам тогдашнего времени из Замоскворечья выходили в купцы, революционеры или в писатели. Вспомним поповича Островского или Ивана Шмелева, своим местом рождения он обязан Кадашевской слободе, очерченной ныне Большим Толмачевским и Лаврушинским переулками. Иван Ильин в очерке о Ремизове назовет Замоскворечье «гнездом народнейшего, коренного и консервативного купеческого слоя, который был как бы сердцем, истоком и живым водохранилищем торговой православной России. Здесь хранились древние нравы и уклады, связанные с церковностью, а нередко и со старообрядческой церковностью...».

В имени, которое было дано Ремизову при крещении (его назвали Алексеем в честь московского митрополита Алексия), он видел знак судьбы: Петр, Алексий, Иона, Филипп — московские чудотворцы!

И тут Ремизовы, и об этом весьма подробно пишет автор, наособицу. Не из держиморд купеческих Алексей Михалыч, а весьма образованной и не бедной прослойки. Найденовы по матери.

Автор любуется старой Москвой, ушедшей в легенды, Ремизовым, эпохой, рассказывает сказки, легенды, были, словно продолжает страницы своей предыдущей книги «Московские были-небыли».

Книга, между прочим, эта редкая, а слог в ней тот самый — ремизово-поповский-московский. Говорок округлый, с хитрыми завитушками, шутками, прибаутками. Но глубокий, как омут, как пруд Найденовский, и умный.

Такое чаепитие по-московски — с чаем, селедкой, колбасой и побасенками.

Видимо, книга эта больше, чем книга, и житие и не столько Ремизова, а литературное, но рассказанное как семейное предание.

Всю эту «ремизовщину» я читал у Попова еще раньше в журналах начала 90-х, когда действительно был бум по Ремизову. Сейчас остался, видимо, кружок любителей Ремизова, в котором сам Попов, да еще жена и издатель Игоря Абрамовича — Наташа. И ваш покорный слуга.

Поэтому для меня книга еще и путеводитель.

Где и когда сидел Ремизов?

А в Вологде-где!

А в Вологде, куда сослали революционного «агитатора» Ремизова, который по просьбе одного из студиозусов провез сундук нелегальщины, он не был одинок. Там его уже ждала теплая компания: Бердяев, будущий министр просвещения большевиков Луначарский, Щеголев и Савинков, тот самый, которому все равно против кого воевать: белых или красных. Но большевика из собирателя зырянских легенд о карликах, русалках и ведьмах не вышло. Конспиратором он был настолько никудышным, что радикальное крыло революционного подполья чуть было не заподозрило его в сотрудничестве с жандармами.

Вот что делает писателя писателем — биография!

«Очень я не подходил ни кому... Все жили под знаком “революции”, а у меня было еще что-то, что выше “революции”. У них было “общее”, а я хотел “по-своему”. Начало моей литературы».

Я думаю, эти слова, что приводит автор, — начало любой литературы.

Книги пишут все, а литературой занимаются единицы. Игорь Абрамович с Ремизовым — одни из немногих.

И все-таки жалко, что опять приходится возвращаться к драматическим и пророческим строкам Алексея Михайловича из «Взвихренной Руси», почти панихиде: «Нет ничего, ни Кремля, ни России — ровь и гладь. Приходи и строй! Приходи, кому охота, и делай свое дело, — воздвигай новую Россию на месте горелом. А про старое, про бывалое — забудь...»

Но вот ведь — еще одна книга, хотя время ее ушло, кажется, навсегда. Еще один ремизовский завиток, завитушечка. Как будто опять начало 90-х.

И все, в том числе любовь к Ремизову, еще впереди!

Игорь Михайлов